

Юлий Айхенвальд

Алексей Толстой

Юлий Исаевич Айхенвальд
Алексей Толстой
Серия «Силуэты русских
писателей», книга 24

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2594675

Аннотация

«Алексей Толстой, как Иоанн Дамаскин, герой его поэмы, был, несомненно, искренний иконодул искусства, и наиболее ненавистны и непонятны были для него иконокласты, „икон истребители“, самодовольные в своей материалистической трезвости. Он не считал песнопения грехом, не видел в нем „прелести“. Без икон красоты, без этого красного угла эстетики, не мила ему была самая храмина жизни. Там, где беззвучно, где нет песни, – там для него небо не защита, не свод, а тягость и оно „усталую землю гнетет“...»

Юлий Исаевич Айхенвальд

Алексей Толстой

Алексей Толстой, как Иоанн Дамаскин, герой его поэмы, был, несомненно, искренний иконодул искусства, и наиболее ненавистны и непонятны были для него иконокласты, «икон истребители», самодовольные в своей материалистической трезвости. Он не считал песнопения грехом, не видел в нем «прелести». Без икон красоты, без этого красного угла эстетики, не мила ему была самая храмина жизни. Там, где беззвучно, где нет песни, — там для него небо не защита, не свод, а тягость и оно «усталую землю гнетет». Он верил в предсуществование искусства. Мир предстоял ему как художественное произведение, которое чуткие поэты и музыканты выявляют, подобно тому как «над пламенем грамоты тайной бесцветные строки вдруг выступают». Мир талантлив. Он звучит музыкой, переливается красками, в нем реют слова, и это он нашептывает темы для земных творцов. Когда Бетховен слагал свой марш похоронный, он не из себя брал «этот ряд раздирающих сердце аккордов, плач неутешной души над погибшей великою мыслью, рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса», —

Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве.

Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыдания.

Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,

Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света.

Если так, то в искусстве – истина, и красота не украшение, а сама сущность бытия, его имманентная природа; если так, икона, образ – это благодатная необходимость, которой всякий раз и поклоняется «наш мир удивленный». Толстой больше всего привлекателен этой способностью удивления перед мировой и человеческой иконой, в особенности если она – старинная, издавна чтимая, если она напоминает изысканные, выцветшие тона гобелена, как прекрасные терцины его «Дракона».

Но он как-то слишком помнил о себе, что был певцом, «державшим стяг во имя красоты», говорил это не раз и, главное, сам был иконописец не из первых и великих. Скоро замечаешь рамки его ограниченного дарования; часто его стихи отравлены вялой прозой и рассудочностью; еще чаще он выступает как поэт эффекта, как любитель бенгальских огней. Он не мастер, не учитель – он редко подымается над уровнем ученика. Ближе ему отзвуки, чем звуки, и больше следует он за чужим вдохновением. Какой-то посредник стоит упорно между ним и самою поэзией и делает из его произведений нечто воспроизведенное. Алексей Толстой вторичен. И большинство его страниц, там особенно, где он не отдается лирике, написаны на тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.